

Х Р О Н И К А

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

4—11 июня 1957 г. в Ташкенте состоялась первая Всесоюзная конференция востоковедов. Уже название этой конференции свидетельствует о ее большом значении. Советские исследователи Востока не раз собирались на конференции и научные сессии, посвященные отдельным проблемам или отдельным отраслям востоковедения. Но впервые в истории советской науки собралась конференция, на которой были представлены востоковеды всех специальностей. В конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Тбилиси, Еревана, Киева, Ашхабада, Алма-Аты, Сталинабада, Фрунзе, Самарканда и ряда других научных центров. На ней присутствовали в качестве почетных гостей ученые зарубежных стран: Китая, Вьетнама, Кореи, Монголии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии.

Как известно, востоковедение представляет собой комплекс различных наук, причем если в дореволюционной России к этому комплексу относили только науки, изучающие восточные языки и памятники восточной письменности, т. е. преимущественно филологические науки, то в Советском Союзе к этому комплексу относят весь круг общественных наук, изучающих страны и народы Востока. Таким образом, к востоковедению относятся не только восточная филология, но и археология, этнография, антропология, история, экономика, философия, право народов Востока, история восточной музыки и изобразительных искусств и т. д. Само собой разумеется, что восточные языки сохраняют первостепенное значение и как объект изучения, и как орудие познания исторического прошлого и настоящего народов Востока. Сохраняют свое первостепенное значение и письменные источники на восточных языках. Вместе с тем круг исследуемых источников значительно расширяется в результате привлечения как археологических, этнографических и антропологических материалов, так и всех письменных источников, относящихся к странам Востока, независимо от того, на каком языке они написаны.

На конференции было прочитано свыше 120 докладов, в том числе 26 — по древней и средневековой истории стран Востока, а также по восточной археологии, этнографии и антропологии; 25 — по новой и новейшей истории стран Востока (включая историю народов СССР); 15 докладов — по восточным литературам; 11 — по восточным языкам; 15 — об экономических, исторических и культурных связях народов Востока; 13 — о рукописном наследии народов Востока; 9 докладов, специально посвященных величайшему ученому и философу средневекового Востока Ибн-Сине. Кроме того, было заслушано 8 докладов о состоянии и задачах востоковедения как во всем Советском Союзе, так и в отдельных союзных республиках.

В соответствии с этим работа конференции, помимо пленарных заседаний, проводилась также в секциях по отдельным проблемам или отраслям востоковедения. Всего было образовано 7 секций и 1 подсекция: I секция — История народов Советского Востока; II — Исторические, экономические и культурные связи народов Востока; III — История национально-освободительной борьбы народов Востока; IV — Древняя и средневековая история, археология и этнография народов Востока; V — Литература народов Востока; VI — Восточные языки; VII — Рукописное наследие народов Востока; подсекция — изучение «Канона врачебной науки» Ибн-Сины.

Конференция провела 32 пленарных и секционных заседания. Около 60% заслушанных докладов было посвящено проблемам Средней Азии, около 20% — проблемам Кавказа, около 20% — проблемам зарубежного Востока.

Сотрудники Института этнографии АН СССР выступили с семью докладами — на пленуме конференции (С. П. Толстов) и на заседаниях III и IV секций (Г. Ф. Дебев, Т. А. Жданко, В. Б. Луцкий, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин, С. Р. Смирнов). Вопросы этнографии и смежных с ней наук трактовались также в ряде других докладов.

Центральной темой конференции был вопрос о состоянии, задачах и перспективах развития советского востоковедения. Эта тема была освещена на пленуме конференции

в докладе директора Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафурова (Москва), в докладах представителей востоковедческих научных учреждений союзных республик — А. С. Сумбат-Заде (Баку), С. А. Азимджановой (Ташкент), Г. А. Чарыева (Ашхабад), Г. В. Церетели и С. С. Джикиа (Тбилиси), М. Г. Нерсисяна (Ереван), С. У. Умарова (Сталинабад) и в большой речи первого секретаря ЦК Коммунистической партии Узбекистана Н. А. Мухитдинова.

В докладе «Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС» Б. Г. Гафуров дал краткий обзор развития советского востоковедения за 40 лет, показав его достижения в области изучения истории, экономики и культуры стран Востока. Советское востоковедение служит делу укрепления дружбы между народами, — сказал Б. Г. Гафуров. — Работы советских востоковедов проникнуты симпатиями к борьбе колониальных народов за свое освобождение». В то же время докладчик указал, что нельзя закрывать глаза на серьезное отставание советского востоковедения, отмеченное на XX съезде КПСС. Догматизм, упрощенчество, недостаточное развитие филологической базы, отрыв теории от практики, неактуальность тематики, отсутствие должного внимания ко многим языкам Востока, к истории современных восточных литератур — таковы те недостатки, которые мешают прогрессу востоковедных наук. При этом актуальность тематики определяется не только хронологическими рамками исследования. «Марксизм требует от нас исторического исследования любого явления в его возникновении и развитии, — сказал докладчик. — Мы можем изучать древнюю литературу и культуру, но так, чтобы это помогло нам в решении насущных современных задач. Так, например, в результате археологических исследований Хорезмской экспедиции раскрыты и прочитаны многие страницы из древней истории народов Средней Азии. Эти исследования показали всю несостоятельность буржуазных теорий о мнимой органической отсталости народов Востока. Перед всем миром предстала древняя высокая культура восточных народов. Разве подобное изучение древнейших периодов человеческой культуры не помогает нам в борьбе против расистских искажений истории? Разве это исследование не помогает нам в борьбе за укрепление национального самосознания угнетенных в прошлом народов Востока? То же можно сказать о значении изучения классической литературы средневековья».

После XX съезда КПСС, продолжал докладчик, Президиум АН СССР принял специальное постановление, в котором констатировал, что Институт востоковедения работал неудовлетворительно, не справлялся с решением важнейших задач, стоящих перед ним, не стал подлинным центром востоковедной науки, не установил контакта с зарубежными учеными. Научные сотрудники Института не сумели за последние годы создать крупные обобщающие труды, показывающие распад колониальной системы империализма, рост борьбы народов Востока за свободу и независимость. С целью устранения этих недостатков была проведена реорганизация Института: изменены его внутренняя структура и тематика научно-исследовательских работ, налаживается контакт с учеными стран зарубежного Востока, создается Центральная восточная библиотека, создано Издательство восточной литературы, намечается проведение ряда научных теоретических конференций и дискуссий. Докладчик подчеркнул, что это лишь первые шаги, что советское востоковедение все еще находится в большом долгу перед советским народом.

Большое внимание в докладе было уделено вопросам координации исследовательской работы между различными научными учреждениями. Докладчик внес предложения о создании Всесоюзного общества востоковедов, о расширении преподавания истории стран зарубежного Востока в средней школе и др. Затронув вопрос о подготовке востоковедных кадров, докладчик отметил, что организованный в 1956 г. Институт восточных языков при Московском государственном университете еще не справляется с этой задачей, и предложил изменить его структуру, образовав в его составе три факультета: филологический, исторический и экономический.

Выступая в прениях по докладу Б. Г. Гафурова, А. Н. Кононов остановился на вопросах публикации восточных рукописей; И. П. Ястребова рассказала об изучении стран Востока и особенно Африки в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР; А. С. Новичев сообщил о научно-исследовательской работе востоковедов Ленинградского университета; И. М. Дьяконов указал на необходимость развития советской семитологии. В обсуждении доклада принял участие и ряд других делегатов конференции.

В докладах о состоянии и задачах востоковедения в отдельных союзных республиках был сообщено о том, над какими проблемами работают советские востоковеды. В Узбекистане была проделана большая работа по изучению фонда восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Изданы четыре тома каталогов этого фонда («Собрание восточных рукописей»). Проводится большая работа по изучению наследия Ибн-Сины, Бируни, Навои. Изданы три тома «Канона медицинских знаний» Ибн-Сины в переводе на русский и узбекский языки; издан перевод классического труда Бируни «Памятники минувших поколений»; готовится к изданию перевод его труда «Индия». Следует, однако, отметить, что доклад С. А. Азимджановой отражал только деятельность Института востоковедения АН Узбекской ССР (б. Института восточных рукописей) и далеко не осветил той большой работы, которая велась в республике по изучению ее истории, археологии, этнографии, литературы и языка. В докладе Г. А. Чарыева были отмечены крупные результаты археологических исследований в Туркменской

ССР, а также работы по изучению туркменской истории и литературы. В докладах Г. В. Церетели и С. С. Джикиа наибольшее внимание было уделено лингвистическим исследованиям в области семитологии, урартоведения, хеттологии, тюркологии, иранистики, а также изучению исторических и культурных связей Грузии со странами и народами Востока.

Над проблемами урартоведения, хеттологии и ассириологии работают также востоковеды Армянской ССР. Изучаются и готовятся к публикации восточные рукописи Матенадарана. Вместе с тем М. Г. Нерсисян отметил в своем докладе ряд работ молодых армянских ученых по новой и новейшей истории стран Ближнего Востока, а также по истории, культуре, языку, этнографии и современной жизни курдского народа. С докладом о прошлом и настоящем востоковедения в Азербайджане выступил А. С. Сумбат-Заде; доклад «Научно-исследовательская работа в области востоковедения в Таджикистане» был сделан С. А. Умаровым.

Н. А. Мухитдинов отметил в своей речи¹ огромную прогрессивную роль народов Востока в развитии мировой истории и культуры. Идеологи колониализма пытаются замолчать или умалить вклад народов Востока в развитие цивилизации; они создают миф об «извечной отсталости» этих народов. Советские востоковеды, опираясь на марксистско-ленинскую методологию и богатое наследие передовой русской и мировой востоковедной науки, восстанавливают подлинную картину исторического прошлого народов Востока. «Советское востоковедение исходит при этом из принципа глубокого уважения к заслугам народов Востока в развитии мировой культуры», — сказал Н. А. Мухитдинов.

Касаясь проблем современного Востока, Н. А. Мухитдинов указал, что именно за отставание в разработке этих проблем и за серьезные теоретические ошибки в этой области советские востоковеды подверглись справедливой критике с трибуны XX съезда КПСС. Н. А. Мухитдинов подробно охарактеризовал те огромные сдвиги, которые произошли на Востоке за 40 лет со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Эти исторические сдвиги повышают значение востоковедной науки и предъявляют к ней новые требования.

Значительное место в речи Н. А. Мухитдинова было уделено тем недостаткам советского востоковедения, которые существуют как в области научно-исследовательской работы, так и в области подготовки кадров, издательской деятельности, популяризации востоковедных знаний, а также в деле организации востоковедной науки. Н. А. Мухитдинов обратил внимание конференции на необходимость изучения роли народных масс в истории, экономике и культуре стран Востока, создания полноценных работ о положении и борьбе рабочего класса, об аграрных отношениях и аграрных преобразованиях в странах Востока, о национально-освободительной борьбе народов Востока. Вместе с тем в речи было подчеркнуто, что роль национальной буржуазии в этой борьбе должна изучаться с марксистско-ленинских позиций, без тех сектантско-догматических ошибок, которые допускались советскими востоковедами в прошлом. Была отмечена также необходимость усиления научной работы в области восточной филологии, особенно в области исследования и публикации восточных рукописей, огромные фонды которых сосредоточены в хранилищах Советского Союза.

Н. А. Мухитдинов призвал востоковедов к борьбе с антинаучными колониаторскими концепциями расистов и шовинистов, с фальсификацией истории Востока, с клеветническими измышлениями о «преследовании» ислама и о разрушении памятников старины в Советском Союзе.

Большое внимание в речи было уделено вопросам организации научной работы, ее правильного распределения между востоковедными научными учреждениями, усилению творческих связей и сотрудничества с учеными зарубежных стран, особенно стран Востока, путем совместной подготовки и издания научных трудов, взаимных посещений, созыва совместных научных конференций.

Касаясь подготовки кадров, Н. А. Мухитдинов сообщил об открытии нового Восточного института в Ташкенте. Он поставил вопрос об улучшении школьных программ по истории, отводящих в настоящее время недостаточное место Востоку, а также об изучении восточных языков в некоторых средних школах, и указал, что опыт преподавания китайского, хинди и арабского языков в школах Узбекистана дал положительные результаты.

Н. А. Мухитдинов указал на большую роль печати в деле популяризации знаний о Востоке. Между тем научные и художественные журналы, газеты, издательства не уделяют должного внимания восточной тематике; в недостаточной мере переводятся и издаются труды восточных авторов.

В заключение Н. А. Мухитдинов выразил уверенность, что советская востоковедная наука сумеет преодолеть болезни роста. «Можно, — сказал он, — не сомневаться в том, что советские востоковеды, имеющие в своем составе немало высококвалифицированных ученых, которыми гордится наша Родина, достигнут новых успехов в создании полноценных трудов, достойных нашей замечательной эпохи, обогатят нашу науку новыми исследованиями, обобщениями и выводами».

¹ Полный текст речи Н. А. Мухитдинова опубликован в «Правде Востока» от 13 июня 1957 г.; эта же речь в сокращенном виде помещена в «Правде» от 14 июня 1957 г.

* * *

Значительная часть докладов, прочитанных на конференции, была посвящена вопросам древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока.

На пленарном заседании были заслушаны два доклада, посвященные великому хорезмийскому ученому XI в. Абу Рейхану Бируни.

Х. М. Абдуллаев в докладе «Бируни и его значение в развитии науки» охарактеризовал многогранное научное творчество Бируни, и особенно его труды по географии, геологии, математике и астрономии, как важный этап в истории мировой науки. Многие выводы Бируни, в частности его гипотеза о движении земли, его геологические концепции, опередили европейскую науку на пять-семь веков и в значительной своей части подтверждаются современной наукой. Докладчик призвал историков-востоковедов к глубокому изучению научного наследия гениального ученого.

С. П. Толстов в докладе «Бируни и проблемы раннесредневековой истории Хорезма» сопоставил хронологические известия Бируни о Хорезме (изложенные в одной из глав его труда «Памятники минувших поколений») и его теорию изменения русел Аму-Дарьи (изложенную им в трактате «Тахдид нихайят ал-амакин фи тасхих масафат ал-масакин») с данными современной археологической науки и новейших геолого-географических исследований. Это сопоставление целиком подтверждает правильность теории Бируни о древних аму-дарьинских руслах. Сейчас установлено, что в эпоху неолита воды Аму-Дарьи впадали в Сарыкамышскую котловину и текли по руслу Узбоя в Каспийское море; на рубеже III и II тысячелетий до н. э. они прорвались на север, что привело к дренированию южных частей Акча-Дарьинской дельты и Хорезмского озера, к образованию Хорезмской низменности и к заселению ее племенами, пришедшими как с запада, с берегов Узбоя, так и с севера, а также другими пришлыми элементами. Период интенсивного заселения Хорезма (XIV—XII вв. до н. э.) совпадает с двумя древнейшими хорезмийскими эрами, отмеченными Бируни. В результате миграции указанных племен — носителей раннесуярганской и тазабагьябской культур — в XI—X вв. в Хорезме сложилась позднесуярганская культура, носители которой принадлежали к индоиранской языковой группе. В начале I тысячелетия до н. э. воды Аму-Дарьи прорвались к своему современному руслу, что привело к еще большему расширению возможностей ирригационного хозяйства и, в конечном счете, способствовало становлению в Хорезме рабовладельческого общества и государства. Связь хорезмийских памятников этой эпохи с синхронными памятниками Южной Туркмении дает основание предположить, что это государство, центр которого находился в Хорезме, охватывало западную часть Средней Азии и восточную часть Ирана и было древнейшим государственным объединением ираноязычных народов.

Материалы Хорезмской экспедиции, наряду с данными Бируни, устанавливают, что впоследствии, в IV—V вв. н. э., воды Аму-Дарьи вновь прорвались к Сарыкамышу вследствие упадка ирригационной системы, связанного с кризисом рабовладельческого строя. Докладчик указал, что такие выдающиеся деятели науки, как Бируни и его предшественник аль-Хорезми, могли появиться лишь благодаря наличию в Хорезме большой научной школы, сложившейся, по-видимому, уже в глубокой древности.

В. Ю. Захидов в докладе «Захираддин Бабур», зачитанном на пленуме конференции, дал характеристику этого выдающегося государственного деятеля и литератора начала XVI века.

Перейдем к докладам, прочитанным на заседаниях IV секции.

Г. А. Меликишвили в докладе «Изучение урартской эпиграфики в советской науке и некоторые вопросы истории Урарту» отметил, что открытие и публикация урартских эпиграфических памятников, а также новая интерпретация их советскими учеными позволили исследовать ряд важных вопросов социально-экономической и политической истории Урарту, религиозные верования его населения, взаимосвязи Урарту с древнейшими государствами Передней Азии и южного Закавказья.

Г. Х. Саркисян в докладе «О положении древних вавилонских городов в эллинистический период» обрисовал, на основе исследования клинописных памятников, общественный строй вавилонских городских общин при Селевкидах. Докладчик пришел к выводу, что эти общины, возглавлявшиеся жречеством и богатыми купцами, пользовались рядом привилегий, аналогичных правам греческих полисов; однако происхождение этих привилегий связано еще с периодом Ассирийской державы (VIII—VII вв. до н. э.).

Раннему периоду истории стран Востока был посвящен и доклад А. О. Маковельского «Экономический быт и социальная структура общества в Авесте».

В докладе И. М. Дьяконова и В. А. Лившица «Ход расшифровки парфянских архивов из Нисы» были изложены результаты исследования остраков, найденных в 1949—1954 гг. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией близ Ашхабада — в древней Нисе, резиденции парфянских царей. Всего было найдено свыше 2100 остраков, т. е. документов, написанных на глиняных черепках; документы начертаны арамейским письмом, большая часть их уже прочитана. Наличие в этих документах арамейских канцелярских формул и отдельных слов, наряду с парфянскими, вызвало спор о том, на каком из этих двух языков они написаны. В настоящее время этот спор окончательно решен в пользу парфянского языка. Найденные остраки в большин-

стве оказались хозяйственными документами. В результате их расшифровки впервые получен документальный материал по экономике Парфянской державы. Они дают также представление об административной иерархии, о религиозных верованиях парфян I в. до н. э., близких к зороастризму, об исторической географии древней Туркмении и содержат материал для исследования ранних среднеиранских языков.

Я. Г. Гулямов в докладе «Из истории ирригационной практики народов Средней Азии», основываясь на материалах археологических и этнографических экспедиций, нарисовал картину развития методов орошения в Средней Азии. Первобытная форма орошаемого земледелия, пережитки которой еще недавно наблюдались у узбеков, каракалпаков и казахов в дельте Аму-Дарьи, — это посе́вы в лиманах, образуемых затухающими речными протоками и горными ручьями. Возникновение деспотических государств вело к использованию принудительного труда рабов, военнопленных и подчиненных племен для строительства крупных ирригационных систем — больших плотин и каналов. Судя по материалам Хорезмской экспедиции, первоначально искусственные каналы были неглубокими, что, очевидно, вызывалось примитивным ручным способом подъема воды. Появление чигирного колеса (в VI—VII вв.) позволило углубить каналы и тем сократить потерю воды от испарения. Поливное земледелие породило у народов Востока интерес к водному календарю, геодезии, астрономии и математике. В Хорезме уже с древних времен была разработана весьма сложная рациональная система водопользования.

М. Е. Массон в докладе «Новые данные по истории и истории культуры Туркменистана» сообщил об открытиях, сделанных Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией за последние годы. В старой дельте Мургаба, вдоль ее некогда обводненных протоков, экспедиция открыла остатки нескольких десятков поселений, относящихся к IX—IV вв. до н. э., т. е. к ранней поре классового общества. Установлено, что с развитием рабовладельческого строя, в парфянский период, низовья дельты Мургаба были заболочены и заброшены. В то же время обилие парфянских медных монет I—II вв. н. э., обнаруженных в городах и селениях Маргианы, говорит о значительном развитии денежного обращения в указанное время. О развитии ремесла свидетельствуют крупные ремесленные кварталы гончаров, металлостов, мукомолов (III в. н. э.), открытые в Мерве. В парфянских сельских поселениях, обнаруженных близ Мерва, найдены следы железоделательного производства и гончарные печи, число и масштабы которых дают основание утверждать, что керамические изделия изготовлялись для продажи и вывоза. Находки различных иноземных монет и предметов в слоях парфянского времени говорят о широких связях Парфии со странами Запада и Востока — от Рима до Китая. Археологические материалы более позднего времени (IV в. н. э.) свидетельствуют об экономическом упадке рабовладельческого Мерва в этот период, о заброшенных селениях, об опустевших городах, об ухудшении качества ремесленных изделий. Напротив, материалы V—VI вв., периода становления феодального общества, отражают новый экономический подъем.

Исключительно интересны изложенные докладчиком результаты археологического исследования средневековых караванных путей, а также раскопок феодального Мерва (X—XV вв.).

Д. Дурдыев в докладе «Исследования археологических памятников в Туркменистане» изложил историю археологического изучения Туркмении, начиная от первых раскопок, проведенных в 1884 г., до наших дней.

А. О. Фараджев посвятил свой доклад «Об экономических воззрениях Низам-аль-Мулька, Низами Ганджеви, Насир-эд-Дина Туси и Рашид-ад-Дина» проблемам развития общественной мысли на средневековом Востоке (XI—XIV вв.).

В докладе И. П. Петрушевского «Персидский трактат по агротехнике времени Газан-хана» была дана не только характеристика этого памятника, но и построенный на его основе анализ производительных сил сельского хозяйства Ирана и отчасти Средней Азии на рубеже XIII—XIV вв. Этот источник издан в Иране литографским способом; он является библиографической редкостью и до сих пор не привлекал внимания исследователей; автор его неизвестен. Трактат основан на практическом опыте автора. В нем содержатся сведения о растениях, культивировавшихся в Иране (каждому из них посвящена особая глава), об опытах селекции, сохранении семян и зерен, методах посева и посадки, приемах прививки деревьев, видах удобрений и применении их для разных сельскохозяйственных культур, борьбе с вредителями.

В. А. Шишкин в докладе «Изобразительное искусство народов Средней Азии по материалам археологических исследований» охарактеризовал древние памятники живописи, скульптуры и декоративного искусства, впервые открытые советскими археологами в последние два десятилетия. Памятники эллинистического периода, по словам докладчика, «представляют собой синтез местных традиций с элементами эллинского, индийского и переднеазиатского искусства и отличаются неповторимым своеобразием стиля». Поздний вариант этого стиля, с местными хорезмийскими элементами, представлен живописью и скульптурой из Топрак-Калы. Традиционные черты эллинистического индо-среднеазиатского искусства сохраняются в памятниках живописи периода разложения рабовладельческого строя (Варахша, Балалык-Тепе, Пянджикент) и даже периода феодализма, после арабского завоевания, преимущественно в народном искусстве. Орнаментальные мотивы этого древнего искусства донесены до наших дней талантливыми среднеазиатскими мастерами.

В. А. Крачковская в докладе «О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.)» установила на основе археологических материалов, найденных в Согде и Египте, а также показаний средневековых арабских географов, что мервские хлопчатобумажные и льняные ткани вывозились в Иран и Египет. Единственный известный образец узорчатой ткани из Мерва по своим орнаментальным мотивам близок к орнаментам стенных росписей более древних памятников Согдианы и Хорезма.

М. Ю. Юлдашев в докладе «К вопросу об особенностях развития землевладения в Хиве XIX в.» рассмотрел на основе изучения документов архива хивинских ханов² процесс образования крупного феодального землевладения в Хивинском ханстве (к середине XIX в. земли, принадлежавшие феодалам, составляли более $\frac{2}{3}$ общего фонда обрабатываемых земель). Докладчик показал, как происходила феодальная экспроприация земель коренного крестьянского населения, как создавались крупные владения путем ханских пожалований, как орошение новых земель и развитие товарно-денежных отношений способствовали концентрации земельной собственности в руках крупных феодалов. Важным источником образования крупной земельной собственности, как справедливо отмечалось в докладе, явились земли узбекских кочевых родов. Однако докладчик, с одной стороны, констатировал, что узбекский кочевой род (уруг) уже в XVI в., в момент образования Хивинского ханства, представлял собой феодальное учреждение, что феодальная знать уруга уже тогда располагалась родовыми землями, вследствие чего родовая масса была фактически экспроприирована еще до перехода к оседлости. С другой стороны, докладчик утверждал, что экспроприация родовых масс узбеков-кочевников происходила именно в период их оседания. М. Ю. Юлдашев датирует процесс образования крупного феодального землевладения концом XVIII — началом XIX в. Этот процесс, по его словам, сопровождался длительными и кровопролитными феодальными войнами, которые «представляли собой борьбу за власть между старой кочевой феодальной знатью и новыми крупными земельными собственниками». Однако эта «борьба за власть» осталась в докладе не мотивированной, поскольку в его экономической части целиком отсутствовали и, более того, отрицались какие бы то ни было экономические противоречия между двумя указанными группировками феодального класса.

Докладчик установил следующие социальные категории крестьянства, существовавшие в Хивинском ханстве в XIX в.: 1) мулкдоры (землевладельцы), 2) арендаторы и 3) дехканы (батраки). Кроме того, земли обрабатывались рабами. Нельзя считать доказанным утверждение М. Ю. Юлдашева, будто основными производителями сельскохозяйственной продукции в Хиве XIX в. были батраки и рабы, утверждение, противоречащее данной им характеристике хивинского общества того времени как феодального. В докладе был проявлен некритический подход к статистическим данным, содержащимся в архивной документации, — взаимно противоречивым и поэтому недостоверным.

Т. А. Жданко в докладе «Патриархально-феодальные отношения у полуседлого населения Средней Азии» дала анализ различных типов полуседлого населения, основанный на этнографических материалах, характеризующих хозяйственный уклад и общественный строй полуседлых народов Средней Азии и Казахстана в XIX — начале XX в. Отметим, что полуседлое хозяйство было присуще в той или иной мере всем народам Средней Азии и Казахстана, докладчица выделила две группы полуседлого населения: 1) кочевники-скотоводы, постепенно переходившие к оседлому земледелию; 2) племена, с древнейших времен постоянно ведущие полуседлое хозяйство. Полуседлое население первой, «переходной» группы (например, некоторые группы так называемых полукочевых узбеков, оседающие группы казахов и киргизов-кочевников) постепенно воспринимало у своих оседлых соседей их ирригационные и земледельческие навыки и порывало с кочевым животноводством. Вторая же, основная группа полуседлого населения включала часть населения степей, пустынь, дельтовых областей, некоторых горных районов, постоянно сочетающую неустойчивое земледелие, а нередко и рыболовство, со скотоводством. Характерные этнографические черты этой группы: комплексный тип хозяйства; неустойчивая оседлость; юрта как основной тип жилища; оторванность от экономических центров; замкнутость и отсталость, преимущественно натуральный характер хозяйства; не менее прочное, чем у кочевников, сохранение пережитков родоплеменного деления и патриархально-родового быта, в частности устойчивость остатков патриархальной родственной общины, вызванная, помимо общих причин, условиями ирригационного земледелия — коллективным трудом при сооружении и поддержании ирригационных систем, строгой общинной дисциплиной водопользования. Примерами народов, которым была свойственна такая форма полукочевого хозяйства, являются многие группы северных туркмен, каракалпаки, часть казахов, населяющих низовья Сыр-Дарьи, и др. В докладе были намечены три типа этой постоянной формы полуседлого хозяйства: 1) в районах пустынь — с преобладанием скотоводства, при использовании для земледелия скудных водных ресурсов пустыни; 2) в придельтовых

² Этот архив, содержащий документацию 1830—1870-х годов, был доставлен в 1873 г. в Петербург. В настоящее время его материалы хранятся в архивах Института востоковедения АН СССР и Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

районах — с примерно равным по соотношению значением земледелия и скотоводства, при крайне неустойчивом характере земледелия; 3) в некоторых случаях в оазисах и на их окраинах — с преобладанием поливного земледелия, при большой роли скотоводства (разведение главным образом крупного рогатого скота).

Т. А. Жданко указала, что ее доклад — лишь первоначальный опыт обобщения данных об основных особенностях полуседлого населения Средней Азии и Казахстана и что в настоящее время систематически ведется полевая работа с целью дальнейшего, более детального исследования этой проблемы.

Д. А. Ольдерогге в докладе «Феодалные отношения в Западном Судане XV—XIX вв.» нарисовал на основе расшифрованных и переведенных им сонгайских и хаусских хроник яркую картину средневекового западносуданского общества. Докладчик опроверг установившееся неправильное представление об общественном строе Западного Судана в эту эпоху как о рабовладельческом. Наряду с рабством здесь существовали различные формы зависимости и эксплуатации, характерные для феодального общества. Так, в государстве Сонгаи (XIV—XV вв.), наряду со свободными общинниками и рабами, существовала особая категория — дьогорани, или заграни, посаженные на землю рабы, которые вели собственное хозяйство, платили феодальную ренту, несли феодальные повинности. Из них формировались своеобразные касты с наследственными занятиями. В государствах хауса (XVIII—XIX вв.) крепостное население находилось в различных формах зависимости от феодалов; среди крепостных были и лично свободные, но экономически зависимые общинники — талакава; и полусвободные земледельцы — чученава, потомки прежних рабов; и рабы, поселенные на землю в особых поселках (румада). Те же категории крепостного населения — свободные крестьяне-общинники (камбе), полусвободные потомки прежних рабов (зусанна) и рабы, поселенные на землю (калиа), существовали и в государстве Борну.

Г. Ф. Дебец в докладе «Проблема происхождения киргизского народа в свете работ последних лет» изложил результаты исследований Киргизской комплексной экспедиции, перед которой была поставлена задача определить удельный вес центральноазиатских и местных, среднеазиатских, элементов в этногенезе киргизского народа. Докладчик отметил, что, по данным лингвистики, киргизский язык сложился на территории, расположенной к востоку от современной Киргизии, и распространился на своей нынешней территории к началу II тысячелетия н. э. С этого же времени, по данным антропологических исследований, на территории современной Киргизии преобладает монголоидный расовый тип центральноазиатского происхождения, характерный и для современных киргизов. Отсюда следует, что киргизы пришли на занимаемую ими сейчас территорию в начале II тысячелетия н. э. Этот вывод, однако, нуждается в проверке данными археологии. Докладчик указал, что преобладание в этнографических наблюдениях элементов материальной культуры, сближающих киргизов с народами Средней Азии, а также наличие в составе киргизов небольшой доли местного европеоидного элемента свидетельствуют о частичной ассимиляции киргизами народов, прежде населявших их территорию, и об их связях с соседними народами.

Л. В. Ошанин в докладе «Проблема этногенеза туркменского народа» изложил результаты антропологических исследований всех главнейших туркменских племен³. Эти исследования выявили преобладание среди туркмен европеоидного расового типа с некоторой примесью монголоидного компонента и с ярко выраженной мезо-долихокефалией. Долихокефальный европеоидный тип, преобладающий среди современных туркмен, прослеживается на территории Туркмении начиная с III тысячелетия до н. э. вплоть до VI—VIII вв. н. э. Отсюда докладчик делает вывод, что в этногенезе туркмен главную роль играло древнейшее население страны — скифские или сакские племена, говорившие на языках иранской группы. Докладчик назвал этот вывод гипотезой или теорией скифского происхождения туркмен. Тюркизация древнего населения Закаспия по языку и монголизация по типу произошли за несколько веков до появления здесь тюрко-сельджуков, или огузов, явившихся и одним из слагаемых в составе туркменского народа.

М. Т. Айтбаев в докладе «Культурное наследие народов Киргизстана и вопросы его изучения» дал исторический обзор культуры народов, населявших территорию Киргизии с древнейших времен.

А. Мухтаров в докладе «Таджикские и другие надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана и их научное значение» сообщил о наличии в районах Матча и Фильгар значительного количества надписей на скалах и камнях, стенах крепостей и домов, надгробных памятниках кладбищ и мазаров. Надписи относятся к XIII—XIX вв. н. э., сделаны на таджикском, арабском и узбекском языках, содержат материалы, имеющие историческое и историко-бытовое значения.

И. И. Умняков в докладе «Значение трудов академика В. В. Бартольда по истории Средней Азии» дал яркую характеристику многогранного научного творчества выдающегося советского ориенталиста.

Зачитанные на конференции доклады по истории, археологии и этнографии Средней Азии свидетельствуют о большой научно-исследовательской работе, которая ведется в этой области, о серьезных достижениях, которыми отмечено развитие этой отрасли

³ В 1929 г. антропологическая экспедиция в Туркмению была проведена Л. В. Ошаниным, в 1930 г. — А. И. Ярхо, в 1951, 1952, 1955 и 1956 гг. — К. М. Наджимовым.

востоковедения за последние годы. В то же время малочисленность докладов по древней и средневековой истории, археологии и этнографии стран зарубежного Востока говорит об известном отставании этих участков нашей науки. Конечно, надо учесть, что эта тематика далеко не в полной мере была представлена на конференции, что ее разработка сдерживается отчасти причинами объективного характера (до самого недавнего времени советские ученые не имели возможности участвовать в археологических раскопках и вести этнографическую полевую работу на зарубежном Востоке; только крушение колониальной системы открыло перед ними эту возможность). Но нельзя не признать и того, что в этой области работает еще недостаточное число советских ученых, что подготовка новых научных кадров проводится в недостаточной мере и далеко не все наличные кадры используются. Задача всемерного укрепления культурных связей Советского Союза со странами зарубежного Востока настоятельно требует выдвижения этой отрасли советского востоковедения на первый план.

* * *

Не имея возможности резюмировать все доклады, заслушанные в остальных секциях конференции, мы ограничимся их перечислением, отметив при этом некоторые моменты, представляющие интерес для этнографов.

I. История народов советского Востока. На пленуме конференции состоялись доклады Х. С. Сулаймановой «Развитие советской социалистической национальной государственности в Узбекистане» и Т. Н. Кары-Ниязова «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие науки в Узбекистане».

В I секции были заслушаны доклады: Ш. Т. Ташлиева — «Провал английской военной интервенции в Туркменистане (1918—1920 гг.)»; С. Д. Какабаева — «Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Туркменской ССР»; Б. Пальвановой — «Женщины Туркмении — активные строители коммунизма»; Ж. Татыбековой — «Раскрепощение Великой Октябрьской социалистической революцией киргизской женщины»; П. А. Азизбековой и М. А. Казиева — «Ликвидация после победы Октябрьской революции экономической отсталости Азербайджана»; Г. Д. Исаакяна — «Развитие экономики Советской Армении»; П. В. Гугушвили — «Социалистические преобразования в Грузинской ССР»; Г. Д. Даниялова — «Успехи социалистического строительства в Дагестане»; М. Г. Вахабова — «Формирование узбекской социалистической нации»; С. И. Ильясова — «О ликвидации фактического неравенства у киргизов в результате победы социализма в СССР».

С. Д. Какабаев отметил в своем докладе, что коллективизация сельского хозяйства в Туркмении, как и во всей Средней Азии, проводилась одновременно с ликвидацией феодально-родового уклада, что она явилась одним из решающих факторов образования туркменской социалистической нации.

В докладах Б. Пальвановой и Ж. Татыбековой были освещены те изменения, которые внесла в положение женщин Туркмении и Киргизии Великая Октябрьская социалистическая революция. Одним из первых шагов советской власти в этих республиках было уравнивание женщин в правах с мужчинами, отмена калыма, запрещение многоженства, принудительной выдачи замуж, браков с несовершеннолетними, умыкания женщин, передачи женщин по наследству и других пережитков феодально-родового быта. Советская власть открыла дорогу раскрепощенным женщинам Востока к участию в социалистическом производстве, в общественной и политической жизни, дала им доступ к образованию и культуре, приняла ряд мер по охране женского труда, материнства и младенчества, способствовала возникновению новых форм быта, построенных на социалистических отношениях.

Г. Д. Даниялов, наряду с другими результатами социалистического строительства в Дагестане, отметил преодоление былой национальной и племенной розни между народами Дагестана, ликвидацию кровной мести, уравнивание женщин-горянок в правах с мужчинами.

С. И. Ильясов посвятил значительную часть своего доклада процессу ликвидации патриархально-феодальных пережитков в Киргизии: полному переходу кочевого населения к оседлости, ликвидации «общинной» формы пользования пастбищами, земельно-водной реформе, преодолению национальной вражды между народами, отмене родовой мести, калыма и др.

М. Г. Вахабов вскрыл в своем докладе те своеобразные, специфические черты, которые принял в Узбекистане общий для всех советских республик процесс становления социалистических наций. Узбекская социалистическая нация формировалась на базе еще окончательно не сложившейся узбекской буржуазной нации. В процессе ее формирования не только преобразовался облик узбекского народа, но и завершалось сложение отдельных элементов нации. Лишь в этот период был создан и поднят до уровня ведущего класса ранее весьма малочисленный узбекский рабочий класс, был проведен ряд социально-экономических и культурных реформ — раскрепощение женщин, ликвидация религиозных судов, создание светской школы, реформа языка и письменности; была решена важнейшая задача перевода крестьян и кустарей на социалистический путь; было проведено национальное размежевание, способствовавшее территориальному сплочению узбеков. Так социалистическое строительство способствовало сложению узбекской социалистической нации — одной из высокоразвитых, культурных наций Советского Союза.

II. Исторические, экономические и культурные связи народов Востока. Этой проблеме были посвящены два доклада на пленуме: Х. Абдурахманова — «Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии» и И. М. Муминова — «Идеи дружбы народов в произведениях передовых мыслителей Узбекистана второй половины XIX — начала XX века».

Во II секции были зачитаны доклады: А. А. Семенова — «Роль Средней Азии в распространении материальных и духовных ценностей»; А. Н. Гулиева — «Из истории азербайджано-русских отношений в XV—XVIII вв.»; Т. Х. Кумыкова — «Отношения Кабарды с Россией в XV—XVI вв.»; В. К. Восканян — «Армяно-русские политические отношения в конце XVII — начале XVIII в.»; Я. З. Цинцадзе — «К истории русско-грузинских взаимоотношений в XVII в.»; А. К. Каррыева — «Русско-туркменские взаимоотношения в XVI—XIX вв.»; Б. Д. Джемгерчинова — «Исторические связи киргизов с Россией в XIX в.»; А. М. Аминова — «Экономические связи Узбекистана с Россией в XVI—XIX вв.»; Гамида Араслы — «Из истории культурных связей арабского и азербайджанского народов»; Г. А. Пугаченковой — «Древние связи в искусстве Средней Азии и Афганистана»; А. А. Сеид-Заде — «Из истории культурных связей Азербайджана с Индией в средние века»; С. Б. Ашурбейли — «Экономические и культурные связи Азербайджана с Китаем в период средневековья»; У. А. Рустамова — «Из истории экономических, политических и культурных связей народов Средней Азии с Индией в конце XIX — начале XX века».

III. История национально-освободительной борьбы народов Востока. Эта тема была отражена на пленуме в докладах Е. М. Жукова — «Распад колониальной системы империализма»; А. Г. Крымова (Куо Шао-тан) — «Международное значение победы народной революции в Китае» и Л. М. Максудова — «Международное значение Бандунгской конференции».

В III секции были прочитаны доклады: В. Н. Никифорова — «Современная китайская историческая наука и изучение революционного прошлого китайского народа»; В. Я. Васильевой — «Национально-освободительная борьба народов Юго-Восточной Азии»; И. М. Рейснера — «Основные моменты освободительной борьбы народов Индии (от начала английского завоевания до 1947 г.)»; А. М. Осипова — «Роль крестьянства в освободительном восстании в Индии в 1857—1859 гг.»; А. Х. Бабаходжаева — «Завоевание Афганистаном национальной независимости»; М. Г. Пикулина — «Борьба Афганистана за экономическую независимость»; В. Б. Луцкого — «Борьба народов арабских стран за единство»; С. Р. Смирнова — «Образование Республики Судан»; И. И. Потехина — «Образование государства Ганы»; А. Ф. Миллера — «Из истории борьбы турецкого народа за независимость (оккупация Стамбула Англией в 1920 г.)»; К. Усынбаева — «Некоторые данные о захватнических стремлениях английской буржуазии в Средней Азии в 50—70-х годах XIX в.».

С. Р. Смирнов охарактеризовал в своем докладе колониальный режим, установленный Англией в Судане в конце XIX в., и введенную английскими властями систему косвенного управления, которая консервировала феодальные отношения и пережитки родового строя и задерживала процесс национальной консолидации. Однако складывание общего рынка и общность интересов народов Судана в их антиимпериалистической борьбе явились решающими факторами, приведшими к национальной консолидации и к развитию национально-освободительного движения в Судане. Нарисовав картину подъема этого движения, особенно в период после второй мировой войны, докладчик детально проанализировал политическую обстановку и события последних лет в Судане, приведшие в начале 1956 г. к образованию независимой Республики Судан.

И. И. Потехин дал в своем докладе⁴ обзор истории народов современной Ганы. В состав Ганы вошли бывшая английская колония Золотой Берег и английская подопечная территория Того. Колония Золотой Берег была основана португальцами еще в XV в., но большая часть территории современной Ганы была включена англичанами в состав этой колонии в конце XIX в. Народы современной Ганы в течение этих веков имели ряд самостоятельных государств; наиболее сильным из них было государство Ашанти, основанное в конце XVII в. Здесь система патриархального рабства сочеталась с раннефеодальными отношениями; общинники были свободны, но несли определенные повинности в пользу знати и главы государства, являвшегося номинальным собственником земли. Появление европейских купцов и расширение торговли в XV—XIX вв. способствовали, с одной стороны, усилению рабства и работорговли, с другой, — развитию общественного разделения труда и товарно-денежных отношений, росту городов, возникновению предпосылок капиталистического способа производства. После установления колониального режима английские власти опирались на феодальную верхушку страны, закрепив законом ее привилегии. Английский капитал монополизировал горную промышленность, транспорт, финансовую систему, внешнюю и в значительной мере внутреннюю торговлю. Стране была навязана монокультура какао; развитие национальной промышленности и национальной буржуазии тормозилось. В этих условиях после второй мировой войны в стране бурно развивается национально-освободительное движение; складывается единый фронт национальной буржуазии, рабочего класса, крестьянства и интеллигенции против колониального режима. В 1949 г. была создана Народная партия во главе с Кваме Нкрума, опирающаяся на профессиональные союзы.

⁴ В связи с отъездом докладчика в заграничную командировку доклад был прислан на конференцию в письменном виде.

Уже в 1952 г. эта партия добилась формирования первого национального правительства и вступила в переговоры с Англией о предоставлении Золотому Берегу статута доминиона. В 1957 г. в результате успехов национально-освободительного движения Гана была провозглашена независимым государством. Перед молодым государством Гана еще стоят серьезные трудности, но новый политический статут открывает возможности преодоления этих трудностей, самостоятельного развития национальной экономики и культуры, укрепления государственного суверенитета.

В. Б. Луцкий, основываясь на арабских документах, произведениях арабской общественной мысли и фактах арабской общественной жизни, показал, что арабские народы в ходе своей национально-освободительной борьбы проявляют неодолимое стремление к сплочению в единую нацию. Единство арабских народов уже сейчас является реальным политическим фактором, опирающимся как на общность интересов арабских народов в их борьбе с колониализмом, так и на общность языка, культуры, территории, а также в известной мере и на общность исторических судеб. Экономическое единство арабских стран еще не достигнуто, но в результате их освобождения от колониального гнета создаются предпосылки для развития экономических связей между ними и для складывания единого национального рынка.

Работы IV секции были освещены выше.

V. Литература народов Востока. Этот раздел востоковедения был представлен на пленуме и в секции следующими докладами: Н. И. Конрада — «К вопросу об эпохе Возрождения в Азии»; Е. Э. Бертельса — «Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литературы народов Ближнего и Среднего Востока»; В. М. Жирмунского — «Итоги и задачи изучения эпического творчества народов Средней Азии»; И. А. Султанова — «Некоторые вопросы изучения истории узбекской советской литературы»; Мамеда Арифа — «Развитие драматургического искусства в Азербайджане»; А. М. Мирзоева — «К вопросу об изучении таджикской литературы XVI—XIX вв.»; И. С. Брагинского — «К изучению узбекско-таджикских литературных связей»; Д. И. Кобидзе — «Грузино-персидско-таджикские литературные связи»; Б. Л. Чукасян — «Из истории литературных связей армянского и восточных народов в средневековье»; И. Т. Дусембаева — «Казахская литература XVIII—XIX вв. и проблема ее изучения»; Н. А. Аширова — «Об изучении литературного наследия туркменского народа»; Х. Т. Зарифова — «Итоги изучения узбекского народного эпоса»; А. М. Демирчи-Заде — «Китаби-Деде Коркут»; Е. П. Челышева — «Основные пути развития современной литературы хинди»; Л. Э. Эйшлина — «Состояние и пути развития современной китайской литературы».

В. М. Жирмунский, подводя итоги изучения эпического творчества народов Средней Азии, отметил, что за советский период были открыты и заново записаны многие произведения народного эпоса: Алпамыш (в узбекской, каракалпакской, казахской и алтайской редакциях), Кёроглы-Гороглы (новые туркменские, узбекские и таджикские дастаны), каракалпакская поэма «Сорок девушек», казахский цикл «Сорок богатырей», многочисленные народные романы. Записи эти частично изданы, частично хранятся в фольклорных архивах. Лучшие из произведений эпоса народов Средней Азии изданы на русском языке в художественных переводах. Докладчик наметил следующие очередные задачи фольклористики в области эпоса: дальнейшую систематическую запись и издание эпических текстов, их сравнительно-историческое изучение, исследование вопросов поэтики народного эпоса.

А. М. Мирзоев и И. С. Брагинский подчеркнули в своих докладах тесные связи между узбекской и таджикской литературой, а также фольклором, взаимовлияние идей, мотивов, образов, двуязычие ряда писателей.

Н. А. Аширов сообщил, что литературоведы Туркменистана ведут работу над созданием «Очерков по туркменскому народному творчеству» (а также «Очерков по истории туркменской литературы XVIII—XIX вв.»). Наряду с собиранием рукописного наследия туркменских поэтов проводится сбор фольклорных материалов, создаются научные монографии по отдельным вопросам народного творчества.

Х. Т. Зарифов рассказал об успехах узбекской фольклористики за советский период. Выявлены ранее не известные народные сказители, стали собираться народные дастаны. Живая устная традиция пения дастанов бытует и в настоящее время. Докладчик назвал имена ряда народных сказителей, сохранивших большое количество монументальных эпических произведений. Наряду с этим изучаются жизнь и творчество народных сказителей, живших в XIX и в начале XX века.

VI. Восточные языки. В этой секции были заслушаны следующие доклады: И. М. Ошанина — «Вопросы языкознания в Китайской Народной Республике»; А. К. Боровкова — «Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка»; В. Н. Ниязмухамедова — «Об основных принципах составления толкового словаря таджикского языка»; А. Г. Оруджева — «Принципы составления толкового словаря азербайджанского языка»; С. С. Аманжолова — «Памятники древнетюркской письменности и их отношение к современному языку тюркских народов»; М. Н. Боголюбова — «Согласнобские диалектологические связи»; Ф. Камалова — «Значение перевода узбекской письменности со старой графики на новую»; М. Ф. Фазылова — «Состояние и задачи дальнейшего изучения таджикской диалектологии»; А. С. Лекиашвили — «К изучению структуры арабского корня»; Р. Мухамеджанова — «Сложные глаголы в языке хиндустани»; А. Джафара — «Из истории применения сравнительно-исторического метода к изучению тюркских языков».

И. М. Ошанин охарактеризовал развитие лингвистической науки в Китае, тесно связанное с практическими задачами культурной революции. Ликвидация неграмотности, подготовка реформы письма, выработка норм национального литературного языка, создание письменности для ряда национальных меньшинств — все эти задачи культурного строительства стимулируют научно-исследовательскую работу в области изучения грамматики, фонетики и диалектологии китайского языка, а также в области изучения языков национальных меньшинств. О масштабах этой работы свидетельствуют такие факты, как проведенное в 1956 г. диалектологическое обследование, охватившее всю территорию страны, и создание при Академии наук КНР особого Института языков национальных меньшинств. Докладчик отметил плодотворное сотрудничество китайских лингвистов с языковедами Советского Союза и стран народной демократии.

М. Ф. Фазылов подвел итоги большой работы, проводимой Институтом языкознания АН СССР и Академией наук Таджикской ССР в области изучения таджикских диалектов. Проведенные исследования дали возможность установить классификацию диалектов северо-западной и юго-восточной групп, провести их сравнительную характеристику, определить их отношения между собой. Дальнейшие задачи заключаются в расширении круга изучаемых диалектов и в более детальном исследовании диалектов уже изученных районов.

VII. Рукописное наследие народов Востока. В этой секции были прочитаны доклады: Х. С. Сулейманова — «Опыт составления научно-критического текста лирики Алишера Навои Сокровища мудростей», С. М. Муталибова — «Филолог XI в. Махмуд Кашгарский и его произведение Диван-и Лугат-и тюрк»; З. Б. Мухамедовой — «Язык Астрабадской рукописи с песнями Махтумкули»; А. Д. Папазян — «Историко-географическая ценность персидских рукописей Государственного Матенадарана»; А. А. Семенова — «Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения»; В. И. Беляева — «Материалы по истории, науке и культуре народов Средней Азии в арабских рукописях собрания Института востоковедения АН СССР»; М. С. Султанова — «Редкие рукописи классиков Ближнего и Среднего Востока в рукописном фонде АН Азербайджанской ССР»; В. С. Пугуридзе — «Персидские исторические документы Центрального исторического архива и Государственного музея Грузии»; М. С. Саидова — «Произведения дагестанских ученых на арабском языке (XVI—XIX вв.)»; А. Н. Кононова — «Родословная туркмен — сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского»; О. И. Смирновой — «Труд Табари-Балами как источник для изучения экономических ресурсов Согда»; А. А. Кондратьева — «Исторические сведения о киргизах в китайских источниках»; А. А. Али-Заде — «Джами-ат-таварих Рашид-ад-Дина как источник по истории народов Передней Азии».

А. Н. Кононов сообщил о критическом издании текста и перевода «Родословной туркмен» — труда хивинского хана Абу-л-Гази (1603—1664), который подготовлен в настоящее время к публикации. Этот труд является не только выдающимся памятником узбекской (чагатайской) литературы, но и важным источником по изучению истории туркменских племен. В основу критического текста положены семь списков, хранящихся в библиотеках Ташкента, Ашхабада и Ленинграда.

А. А. Али-Заде охарактеризовал хроники Рашид-ад-Дина как важнейший источник по истории тюркских и монгольских племен и завоеванных ими народов.

VIII. В подсекции «Изучение Канона врачебной науки Ибн-Сины» были прочитаны следующие доклады: В. Н. Терновского — «Ибн-Сина — гениальный творец Канона врачебной науки»; А. К. Арендса — «Восточные предшественники Ибн-Сины и значение их трудов для изучения Канона врачебной науки»; А. А. Аскарова — «Ибн-Сина о заболевании легких и груди»; М. А. Салье — «О некоторых проблемах медицинской терминологии в Каноне врачебной науки Ибн-Сины»; Б. Д. Петрова — «Итоги и очередные задачи изучения в СССР медицинского наследия Ибн-Сины»; У. И. Каримова — «Классификация наук по Ибн-Сине»; М. Р. Раджабова — «Изучение научного наследия Ибн-Сины в Таджикистане»; Ю. Н. Завадского — «Источники для биографии Ибн-Сины»; А. Кадырова — «Роль Ибн-Сины в развитии ботанической науки средневекового Востока».

* * *

Конференция показала значительные достижения советского востоковедения, подвела итоги обширной и многогранной работы советских ученых по изучению истории и культуры народов Востока.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторых недостатков конференции. К их числу следует отнести крайнюю перегруженность ее программы. Отдельные доклады, как отмечали участники конференции, были сделаны на недостаточно высоком научном уровне, не содержали новых фактов и выводов. С другой стороны, некоторые отрасли востоковедения оказались не представленными или недостаточно представленными на конференции; их успехи не получили должного отражения. Перегруженность программы была одной из причин того, что лишь небольшая часть докладов вызвала научную дискуссию. Следует пожелать, чтобы в дальнейшем был налажен регулярный созыв как общевостоковедных съездов и конференций, так и совещаний по отдельным вопросам и отраслям востоковедения. Это позволит разгрузить повестку дня, выдвинуть на первый план основные проблемы востоковедных наук, организовать плодотворные научные дискуссии.

Конференция потребовала огромной организационной работы, которая была проведена на очень высоком уровне. Академия наук Узбекской ССР, при активной помощи ЦК КП Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР, сделала все для того, чтобы обеспечить делегатам конференции наилучшие условия работы. На каждом шагу советские востоковеды чувствовали заботу и внимание партийных, советских и научных организаций Узбекистана, гостеприимного узбекского народа. Для заседаний конференции были выделены лучшие здания Ташкента. К открытию конференции были отпечатаны и распределены между делегатами программа конференции и сборник тезисов докладов и сообщений. Во время конференции вышли в свет очередные тома сочинений Бируни и Ибн-Сины и каталог восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. 4 июня, в день открытия конференции, в театре им. Навои для делегатов был дан концерт мастеров узбекского национального искусства. 8 июня был организован выезд конференции в Самарканд, где делегаты познакомились с историческими памятниками, с научной и культурной жизнью города. 11 июня, после закрытия конференции, ЦК КП Узбекистана и Правительство Узбекской ССР устроили в честь делегатов конференции торжественный прием. Периодическая печать республики освещала ход конференции; Ташкентская киностудия выпустила документальный фильм, посвященный ее работе.

Конференция превратилась в праздник советского востоковедения, в смотр его сил. Она явилась свидетельством огромного культурного роста народов Советского Союза, торжества ленинской национальной политики. Она подчеркнула большое значение советской востоковедной науки в деле укрепления тесных братских связей между народами СССР и зарубежного Востока. Конференция показала ряд замечательных достижений советского востоковедения и в то же время самокритически отнеслась к его недостаткам. Она приняла ряд организационных решений, направленных к преодолению отставания советского востоковедения, отмеченного на XX съезде КПСС, к новому подъему марксистско-ленинской востоковедной науки.

В. Луцкий

СОВЕЩАНИЕ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ РАБОЧИХ

13—16 мая 1957 г. в Институте этнографии АН СССР в Москве происходило совещание по изучению культуры и быта рабочих. В работе совещания, кроме этнографов Москвы и Ленинграда, приняли участие ученые Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Туркмении, а также Чехословакии (О. К. Скалникова).

Открывая совещание, директор Института этнографии С. П. Толстов указал на важное место, которое занимает в советской этнографической науке изучение современной жизни народов, и обратил внимание на ту помощь, которую оказывают этнографы социалистическому строительству. Особенно большой размах приобрело этнографическое изучение современности в послевоенные годы, когда появился целый ряд исследований, посвященных описанию культуры и быта колхозного крестьянства. Что касается этнографического изучения рабочих, то хотя отдельные попытки разработки этой темы и имелись, но это дело оказалось значительно более сложным, чем изучение быта крестьян. На этнографическом совещании 1951 г. обращалось внимание на необходимость вплотную приступить к разработке этой тематики, являющейся неотъемлемой частью этнографического исследования современности. Утверждение буржуазных этнографов, будто рабочий класс не может быть объектом этнографического изучения, так как он-де не является носителем «этноса», неверно. Рабочий класс так же, как и крестьянство, является создателем национальной культуры. Это положение признано большинством советских этнографов, и к настоящему времени учеными ряда наших республик уже накоплен некоторый опыт в изучении быта и культуры рабочих. Большое значение имеет то обстоятельство, что аналогичные исследования ведутся и в странах народной демократии. Настоящее совещание, сказал в заключение С. П. Толстов, имеет целью обмен опытом работы в данной области, определение методики исследования и намерение его дальнейших перспектив.

С докладом «Основные задачи и проблемы этнографического изучения рабочих» выступила В. Ю. Крупянская (Москва), поделившаяся опытом работы, проводящейся группой сотрудников Института этнографии в Нижнем Тагиле. В результате работы наметились некоторые основные линии исследования. Выявилась необходимость изучения истории формирования рабочего класса в этом промышленном центре, без чего невозможно четко представить современную жизнь рабочих. При исследовании вскрываются определенные исторические этапы, отмеченные глубокими изменениями в рабочей среде. В условиях Урала хронологические рамки исследования восходят к первой четверти XVIII в., когда здесь возникли первые промышленные предприятия и началось формирование кадров рабочих. Коренная ломка быта была вызвана отменой крепостного права и интенсивным развитием капитализма. Новый этап — 1890-е — 1900-е годы ознаменовался развертыванием рабочего движения, ростом классового сознания рабочих масс. Наконец, коренные изменения во всей жизни рабочего населения Урала произошли в результате победы Великой Октябрьской революции, развития социалистической промышленности, огромного повышения производственной квалификации, культурного уровня рабочих и их благосостояния.